

О СУДЬБЕ И/ИЛИ ПРОМЫСЛЕ
В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»

*Н. П. Видмарович*¹

¹ Загребский университет, Философский факультет
10000, Хорватия, Загреб, ул. Ивана Лучича, 3
Поступила в редакцию 15.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-3

Исследователи неоднократно отмечали сходство между повестью Пушкина «Метель», балладой Жуковского «Светлана», откуда Пушкин позаимствовал эпиграф, и «Ленорой» Бюргера, дважды и различно использовавшейся Жуковским. Различия в функционировании традиционного сюжета рассматриваются на фоне взаимосвязи и взаимозависимости судьбы, случая и свободной воли. Отношение главных героев трех произведений к действию промысла Божьего в христианском контексте прочтения позволяет объяснить мотивацию их поступков, дальнейший ход событий и концовку произведений.

Ключевые слова: метель, промысл, Ленора, Светлана, жених, отчаяние, Жуковский, Бюргер, судьба, церковь.

В самом начале коснемся двух поэм, содержательно связанных с повестью А. С. Пушкина «Метель». Своим эпиграфом «Метель» имеет два отрывка из баллады В. А. Жуковского «Светлана»: «Кони мчатся по буграм, / Топчут снег глубокий... / Вот, в сторонке божий храм / Виден одинокий». И второй — через многоточие: «Вдруг метелица кругом; / Снег валит клоками; / Черный вран, свистя крылом, / Вьется над санями; / Вещий стон гласит печаль! / Кони торопливы / Чутко смотрят в темну даль, / Воздымая гривы...» (Пушкин, 1957, с. 102) (пропуск между отрывками делается в том месте, где у Жуковского описывается церковное отпевание).

Баллада Жуковского, в свою очередь, является одной из его стихотворных переработок известного сочинения Готфрида Бюргера «Ленора», причем характерно, что Пушкин для эпиграфа выбрал именно «Светлану», имеющую по сравнению с «Людмилой», первым переложением «Леноры», иной — счастливый — исход (отметим, что при создании и «Людмилы», содержательно более близкой к бюргеровской поэме, и «Светланы» поэт использовал различные английские переводы «Леноры», а в 1831 году он сделал перевод, наиболее близкий оригиналу).

Обратимся к источнику баллады В. А. Жуковского «Светлана» — сочинению Готфрида Бюргера. «Ленора» начинается со слов о страшном сне (содержание его не сообщается), после которого, не найдя возлюбленного среди возвратившихся с войны ратников, девушка

свет божий прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала (Жуковский, 1959).

Будучи не в состоянии смириться со страшным горем, она впервые произносит роковые слова «Сам Бог врагом Леноре...» (Жуковский, 1959), что ее мать объясняет отчаянием, обращаясь к Богу с молитвой о прощении, а к дочери — со словами вразумления:

Прости ее, небесный царь!
Родная, помолися;
Он благ, его руки мы тварь:
Пред ним душой смирися (Жуковский, 1959).

Однако ни слова утешения, ни призыв матери причаститься пречистых тайн, способных исцелить ее душу, не останавливают Ленору, горько упрекающую Бога в немилосердности и глухоте к ее страданиям. Оказавшись во власти страстей, она неминуемо теряет веру во всемогущество Творца:

О друг мой, что во мне кипит,
Того и Бог не усмирит:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый (Жуковский, 1959).

Нарастающее отчаяние Леноры приводит ее не просто к тому, что она проклинает свою безотрадную жизнь, но открыто объявляет Бога своим врагом. Последнее предупреждение матери о необходимости смирения, открывающего двери рая, и муках ада («Ведет ко благу божий путь; / Смирением рай награда. / Страшись мучений ада» (Жуковский, 1959)) встречает уже непреклонное противление Леноры — она умерла для земного и небесного рая:

Так дерзко, полная тоской,
Душа в ней бунтовала...
Творца на суд она с собой
Безумно вызывала (Жуковский, 1959).

Открыто заявленное богоотступничество предопределяет ее дальнейшую судьбу со всеми трагическими последствиями. За Ленорой является жених — посланец ада, увлекающий ее за собой в погибель. Появление всадника строится на контрастах — Ленора слышит «легкий скок коня» (Жуковский, 1959) и одновременно гром копыт, грохот лат взбегающего на крыльцо возлюбленного и вкрадчивый шепот через дверь. Все ощущения Леноры обострены до крайности — она дрожит,

смеется и грустит, и ее смятение чувств отвечает вою ветра в поле, покрытом ночной тьмой. И несмотря на достаточно прозрачный ответ жениха на вопрос о его приюте — «Далёко он... пять-шесть досток... / Прохладный, тихий, темный» (Жуковский, 1959), Ленора сходит по ступеням вниз, и мертвец стремительно уносит свою невесту. Заметим, что ключевыми можно считать слова «Она подумала, сошла» (Жуковский, 1959) — то есть речь идет не только о безумном и дерзком, но одновременно сознательном шаге, который Ленора совершает навстречу своей собственной гибели.

В продолжении скачки дрожащая Ленора трижды со страхом и изумлением спрашивает возлюбленного, для чего твердит он о мертвецах, трижды перед ними проходят мрачные картины — похоронная процессия, висельник и, наконец, кладбище — цель ночного путешествия. И трижды жених высказывает беспокойство лишь тем, чтобы исполнить план до рассвета, до крика первых петухов. Лишь под утро исчезает наваждение, и Ленора вдруг видит, как слетает одежда с ее жениха и она оказывается в руках у скелета. Вершится Божий суд, и богоотступницу настигает рука Провидения. Последняя в ряду картин — ее собственная смерть, однако главная мысль здесь не только о схождении тела в могилу, но и о надежде на помилование души Творцом — Тем, кого Ленора, считая немилосердным, в отчаянии легкомысленно и дерзко отвергала. Сочинение Бюргера, таким образом, откровенно морализаторское и направлено против увлечения плотскими утехами в ущерб спасению души.

Иная картина развертывается в «Светлане» Жуковского, опирающегося на сюжет «Леноры». Если в «Леноре» сном открывается повесть о страшной яви, то в «Светлане», наоборот, пережитые ужасы оказываются сном. События в целом смягчены вписанностью во время и пространство святок, а действие начинается в «крещенский вечерок».

К тому же с самого начала мы видим не бунт против Бога, не мятежное состояние души героини, измученной ожиданием жениха, но грусть, покорность судьбе — провидению и смирение: «Мне судьбина умереть / В грусти одинокой» (Жуковский, 1965, с. 287). Светлана полагается во всем именно на волю Бога: «Я молось и слезы лью! / Утоли печаль мою, / Ангел-утешитель» (Жуковский, 1965, с. 287), хотя без полного предания ей, ибо в христианском смысле это подразумевало бы отсутствие всех сомнений и радостную готовность следовать воле Божьей, что возможно у подвижников. Этим как раз и можно объяснить, почему Светлана невольно, поддавшись уговорам подруг, все же решает принять участие в запретных гаданьях. Она садится перед зеркалом, и далее происходит сцена, во многом напоминающая сцену из «Леноры». Однако в отличие от Леноры Светлана испытывает робость и страх, хотя суженый говорит ей не о будущем мрачном приюте, а о венчании:

«Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами» (Жуковский, 1965, с. 289).

И во время скачки непогоды нет, вьюга поднимается над санями только когда кони вздымают снег копытами, и пейзаж при всей своей унылости все же поначалу не столь мрачен:

Скачут... пусто все вокруг,
 Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
 Чуть блестят поляны (Жуковский, 1965, с. 289).

Картины, проносящиеся перед взором Светланы, страшат ее, но вместе с тем Божий храм, хотя в нем и идет отпевание, освещен ярким светом паникадил, они тускнеют, но в фимиаме. Неожиданно поднявшаяся метель и карканье ворона, предвестника печали, отступают перед появлением вдали огонька, оказывающегося хижинкой под снегом — «мирным уголком» (Жуковский, 1965, с. 290). И сами кони «чутко смотрят в темну даль» (Жуковский, 1965, с. 290), что говорит не о безысходности, но о напряженном ожидании грядущего. Уныл и бледен жених-призрак, но во время скачки он все время хранит молчание, а потом и вовсе исчезает.

Впрочем, и само пребывание Светланы в одинокой хижине с мертвым телом (как оказалось, ее женихом) проходит под Божьей защитой. Девушка стучится в дверь хижины с молитвой, она падает ниц перед иконой и горячо молится лику Спасителя, а затем с крестом в руке садится под иконами. Белоснежный голубок, символизирующий Духа Святого, защищает ее от наваждения, так что страшные переживания и картины, вызванные минутной слабостью, рассеиваются в самый критический миг — явь оказывается всего лишь сном. А с приездом поутру жениха, живого и невредимого, исчезает и ее грусть. Потому и заключение поэта просто и многозначительно:

Лучший друг нам в жизни сей
 Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
 Счастье — пробужденье (Жуковский, 1965, с. 294).

Повесть Пушкина «Метель» имеет определенные параллели и со «Светланой», и с «Ленорой», хотя пушкинская повесть, несмотря на свою кажущуюся простоту, многозначна, и каждое ее слово, рассматриваемое под различными углами, раскрывает богатые глубины смыслов. Одним из таких интересных пластов является незримый ход событий, развертывающийся параллельно с действиями и усилиями самих героев, их формирующий и назидательный, который можно обозначить как действие судьбы или промысла.

Что же обозначено у поэта провидением и судьбой? Согласно четырехтомному «Словарю языка Пушкина», провиденье «по религиозным представлениям — высшая божественная сила, власть, направляющая судьбы людей и всего мира ко благу» (Словарь языка Пушкина, 2000, т. 3, с. 837). Слово «провиденье» встречается у поэта 12 раз, и во всех

примерах он говорит о тайной воле провиденья, об искушении провидения, называет его святым, поручает себя провидению. Интересно, что в самой «Метели» слово «провидение» вообще не упоминается, включая «Повести Белкина». Отсутствует в них и слово «промысл» — во всех сочинениях поэта это слово, выступающее синонимом к провидению, употребляется всего 6 раз.

Слово же «судьба» употребляется у Пушкина намного чаще. Словарь языка Пушкина отмечает его появление 290 раз, причем в двух основных значениях: «1. По религиозным представлениям — высшая сила или воля божества, предопределяющая все, что происходит в жизни (131). <...> 2. Доля, участь; жизненный путь кого-н. (149)» (Словарь, 2000, т. 4, с. 441). В «Повестях Белкина» слово «судьба» встречается 5 раз, из них 4 раза в «Метели», с определенными смысловыми оттенками: «Там они клялися друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения» (Пушкин, 1957, с. 103); «Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику» (Пушкин, 1957, с. 106); «Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное» (Пушкин, 1957, с. 110); «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» (Пушкин, 1957, с. 115–116).

Интересно обратить внимание на значение слова «судьба» в церковнославянском языке: «судьба — закон, установление, определение, хрѣца» и примеры: «въ сей день заповеда тебе Господь Бог твой сотворити вся оправдания сия, и судьбы в этот день заповедал тебе Господь Бог твой исполнять все законы эти и установления» (Втор. 26: 16); «яко повеление Израилеви есть, и судьба Богу Иаковлю такова воля для Израиля и устав от Бога Иаковлева» (Пс. 80: 5); «правда и судьба оуготование престола Твоего: милость и истина предидете пред лицемъ Твоимъ справедливость и закон — приуготовление (основание для) престола Твоего, милость и истина предидут пред лицомъ Твоимъ» (Пс. 88: 15); «той Господь Богъ нашъ: по всей земли судьбы Его Он Господь Бог наш, по всей земле — установления Его» (Пс. 104: 7); «и имиже веси судьбами, спаси мя и какими знаешь изволениями, спаси меня (ПсСл Час 3 мльв)» (Седакова, 2008, с. 348).

Итак, судьба первоначально обусловлена установлениями Божиими, с Его законом, хотя позднее значение слова «судьба» оказалось более широким, поскольку связывалось не только с волей Бога, но и языческих божеств, к которым прибегали с намерением узнать будущее. Возможно, именно по этой причине и в святоотеческих сочинениях нередко противопоставляют судьбу Божьему промыслу и Провидению, к примеру: «Не будем приписывать управления миром демонам, не бу-

дем думать, что о настоящих делах никто не промышляет, не будем противопоставлять Промыслу Божию тирании какого-то рока и судьбы» (Иоанн Златоуст).

Обратим внимание на название повести — «Метель». Хотя в издании «Повестей Белкина», напечатанных в Санкт-Петербурге в типографии Х. Гинце в 1834 году и ранее, в отдельном издании «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», вышедших в Санкт-Петербурге и напечатанных в Типографии Плюшара в 1831 году, стоит название «Метель», Словарь языка Пушкина приводит «мятель» — «метель» дается в скобках, и, кстати, название повести указывается как «Мятель» (Словарь языка Пушкина, 2000, т. 2, с. 686). Касаясь в своей статье смысловой нюансировки «мятели» и «метели», С. А. Васильев пишет об особой значимости внутренней формы слова-заглавия «мятель» и делает вывод, что «существенную роль она играет и в образном строе "Мятели", в частности раскрытии психологического состояния персонажей, мотивации их поступков, создании образа идеи» (Васильев, 2008).

Слово «мятель» и у Владимира Даля, выступая синонимом к «метели», связывается с глаголом «мясти», означающим «приводить в смущенье, мутить, смущать; тревожить, беспокоить, перебивать туда и сюда» (Даль, 2003, т. 2, с. 374) — далее он приводит очень красноречивый пример — «Страсти мятут душу <...> Снежные хлопья мятутся по воздуху, Все въ страхе мятутся» (Даль, 2003, т. 2, с. 374) и «Всеу мятется человекъ» (Даль, 2003, т. 2, с. 374).

Внутреннее смущение Марии Гавриловны, а в конце и Бурмина, мятежное состояние души Владимира, отважившегося на безрассудство, равное по степени сумасбродному поступку Бурмина, поменявшегося ролью с Владимиром в самый важный момент, — все это оказывается созвучным названию повести: именно мятель становится ее центральным образом.

Мария Гавриловна, подобно Светлане и Леноре, влюблена, ее тоже должны увезти совершенно в романтическом духе (так ей представлялось в воображении в результате увлечения французскими романами, от сравнения жизненных ситуаций с которыми она так и не отошла, о чем свидетельствует ее объяснение с Бурминым). Однако в дорогу, в отличие от Леноры и Светланы, Мария Гавриловна отправляется не с женихом, а отдельно от него. Любопытно, что добирается героиня до жадринской церкви, кажется, без особых приключений, несмотря на жесточайшую метель (автор замечает, что она была на попечении судьбы и искусства Терешки-кучера).

Владимир, наоборот, встречается с самым неистовым сопротивлением своему путешествию, поскольку неожиданно разыгрывается неописываемая метель: «Едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею» (Пушкин, 1957, с. 106–107), так что ехать ему пришлось полем. Опасность такого путешествия была очевидна во времена Пушкина каждому: описывая быт и обычаи русских, Н. И. Костомаров особо отмечает

все тяготы зимнего путешествия, ибо «с начала зимы встречались неудобства, когда пролагались вновь зимние дороги; раз проложенная тропа оставалась в первоначальном виде на всю зиму. Если мужику случалось проехать в начале зимы и он выбирал непрямую дорогу, колея эта не изменялась, потому что искать новых путей по сугробам было опасно» (Костомаров, 1993, с. 163). Мучительность езды Владимира подчеркивает слово «поминутно», которое Пушкин многократно повторяет в пределах короткого отрезка текста: «Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взъезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались» (Пушкин, 1957, с. 107); «с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу» (Пушкин, 1957, с. 107); «Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал» (Пушкин, 1957, с. 107).

При этом молодой человек не столько заботится о том, доехала ли Марья Гавриловна в такую непогоду (в тексте упоминается, что ее кони летели, в то время как лошадь Владимира шла шагом, а потом и вовсе встала), сколько о том, чтобы самому не сбиться с дороги. Тогда перед читателем впервые проносится целый вихрь его ощущений и мыслей, и герой оказывается в центре повествования. Он стал «думать, припоминать, соображать» (Пушкин, 1957, с. 107), поняв, что сбился с пути, Владимир начинает сильно беспокоиться, надежда выехать на дорогу и кратковременное спокойствие сменяются ужасом и отчаянием и, наконец, слезами. Другими словами, под пером Пушкина Владимир в сцене езды как бы оживает, поскольку до этого читатель видит его не более чем «предметом, избранным ею» (Пушкин, 1957, с. 102), то есть Марией Гавриловной, который, в соответствии с назначенной ему ролью, «разумеется... пылал равною страстию» (Пушкин, 1957, с. 103). Ни о его характере и достоинствах, ни даже о происхождении не говорится ни слова: единственная подробность в начале повести — указание на то, что он армейский прапорщик (то есть представитель самого низкого военного чина по табели о рангах в армии — 14-го класса), притом бедный, приехавший погостить в своей деревне. Неудивительно, что родители Маши принимали его хуже, чем отставного заседателя. Попутно отметим, что Владимир, по-видимому, не меньше увлекался чувствительной литературой своего времени — по крайней мере, после его смерти Маша «берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее» (Пушкин, 1957, с. 112).

Находясь между романтическим представлением о жизни и самой жизнью, Владимир пребывал в заблуждении и относительно самого себя и будущего с Марией Гавриловной. Именно ему пришла в голову мысль о побеге: «Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны» (Пушкин, 1957, с. 103).

Полное смятение чувств и ума им, кажется, совершенно было не осознаваемо, тем более что не только воля «жестоких» родителей противилась его намерениям, но и увещевания священника, навверняка

взвывавшего к недопустимости нарушения заповедей Божьих: Владимир «насилу с ним уговорился» (Пушкин, 1957, с. 106). Убедительнее для Владимира стали восторженные объятия со случайными, по сути, людьми, крайне легкомысленно согласившимися быть ему свидетелями, готовность шестнадцатилетнего мальчика пожертвовать своей жизнью и азарт корнета Дравина, ибо «это приключение... напоминало ему прежнее время и гусарские проказы» (Пушкин, 1957, с. 106). Смятение как отсутствие смирения, которое в святоотеческом понимании является отсутствием правильного представления о самом себе и своем окружении, привело к противлению несправедливой судьбе, которое, однако же, на деле оказалось противлением Божественному установлению, предначертанию Бога. Другими словами, это стало тем же бунтом, мятежом против Бога, но осуществляемым различно Владимиром и Марией Гавриловной.

Мятежное состояние духа Владимира, его душевная «мятель», акцентированная снежной метелью, дублируется его блужданиями («блуждать», «блудить» и «заблуждаться» — выбор неправильного, греховного пути в прямом и переносном смысле) по заснеженной степи. Обратим внимание на изумительно точный выбор слова Пушкиным для описания его состояния: «поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел» (Пушкин, 1957, с. 106–107). У Даля слово «взвидеть» означает не просто «увидеть, завидеть», но снабжено пояснением: употребляется «для выражения внезапности или сильного душевного волнения» (Даль, 2003, т. 1, с. 192). Невозможно не вспомнить стихотворение Пушкина «Бесы»:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна (Пушкин, 1982, с. 155),

в котором, кстати, есть и слова о похоронах домового, о выдаче замуж ведьмы, и о рое кружащихся бесов — совсем как в «Леноре» с кружащимися над висельниками духами, приглашенными мертвым женихом на свадьбу. «Кружит бес по сторонам», — повторяет Пушкин народную поговорку о путниках, сбившихся с пути.

И лишь в незнакомом черном лесу, контрастирующим с белой, бурной степью, Владимир как будто находит дорогу: «Скоро нашел он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнаженных зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился» (Пушкин, 1957, с. 108) (ср. «Ленора»: «Но месяц встал, он светит нам... / Гладка дорога мертвецам; / Мы скачем, не боимся; / До света мы домчимся» (Жуковский, 1959)). Другими словами, Владимир буквально едет навстречу своей гибели, что и подтверждается всеми его дальнейшими мыслями и ходом действия: в полусумасшедшем письме родителям Марии Гавриловны он «просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою» (Пушкин, 1957, с. 111); впоследствии его ранят под Бородино, после чего он умирает в Москве

накануне вступления в нее французов. Впрочем, о гибели всех своих замыслов, о «превратности судьбы» или о том, что промысл Божий не отвратим, Владимир начинает догадываться уже в доме крестьянина, когда в отчаянии хватается за волосы и остается «недвижим, как человек, приговоренный к смерти» (Пушкин, 1957, с. 108). Мысленная «мятель» сметает его с жизненного пути Марии Гавриловны.

Как в «Леноре» и «Светлане», мертвый жених предвещает смерть и своей возлюбленной — но если в «Леноре» страсть и отчаяние настолько затмевают разум, что девушка как будто не слышит двусмысленных зловещих слов о том, что их будущий приют «пять-шесть досток... / Прохладный, тихий, темный», то с Марией Гавриловной все происходит иначе, несмотря на то, что она тоже оказывается в тени смерти. Приехавшему Бурмину в церкви указывают, приняв его за Владимира, что «чуть было вы барышню не уморили» (Пушкин, 1957, с. 117), а впоследствии, по возвращении в родительский дом, «бедная больная две недели находилась у края гроба», в бреду, однако девушка осталась жива.

Совершенно иные чувства по сравнению с Владимиром испытывает Марья Гавриловна и накануне отъезда. Если Ленора полна дерзостного порыва и безрассудной смелости, если Светлана, ощущая робость, отвечает жениху умильным взором, то Мария Гавриловна накануне побега, который, казалось бы, откроет дорогу к счастью, видит безобразные сны: «Бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца, то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головою болью» (Пушкин, 1957, с. 104).

Она втайне прощалась со всеми предметами и людьми, она заливалась слезами, сердце ее сильно билось, голос дрожал, мысль о разлуке с родителями стесняла ее сердце — другими словами, она уже умирала от тоски до побега, была на пороге смерти непосредственно после венчания с другим и окончательно умерла для прошлого, смирившись со случившимся.

Что же означало в повести для всех ее персонажей исполнять волю Божью и не противиться Промыслу? Прежде всего исполнять заповеди Божьи, среди которых и заповедь «Почитай отца твоего и мать твою» (Ис. 20: 12), Зная это и все же поддавшись уговорам Владимира, ободряемая своей служанкой во время подготовки к побегу Марья Гавриловна в письме к родителям признается, что блаженнейшей минутой станет для нее возможность броситься к их ногам и просить их о прощении и благословении. Заметим, что роль голубка из «Светланы», символизир-

ровавшего Духа Святого, в повести Пушкина выполняет именно родительское благословение, которое она получает «по обыкновению» (Пушкин, 1957, с. 105) и которое оказывается поистине спасительным.

Судьба у Пушкина встречается, как мы указывали, и в значении доли, участи или жизненного пути, заранее определенного Богом, так что в любом случае противление судьбе означает у него одновременно и противление ее Установителю. «...Не осуди провидения Божия, не думай, что настоящие дела движутся безрассудно и случайно», — писал Иоанн Златоуст (Иоанн Златоуст). Для христианского сознания такой подход — единственно возможный, хотя воля провидения не всегда принимается со смирением и радостью. Интересно, что в повести Пушкина его принимают в итоге все герои повести. Непреклонные родители Марьи Гавриловны, испытываемые тяжелой болезнью дочери, проявляют редкую любовь, примиряясь с ее возможным выбором и полагая, что этот выбор и есть Божье установление: «Нравственные поговорки, — по меткому замечанию Пушкина, — бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание» (Пушкин, 1957, с. 110–111). Примиряются с судьбой и Мария Гавриловна, и Бурмин. Последний, считая свое наказание несчастьем, покорно его принимает, возможно, воспринимая его и как наказ, то есть поучение Божье, что позволяет ему добровольно нести бремя своей жизненной тайны.

Примирения с судьбой достигает и Владимир, постигший смысл слов о неисповедимости путей Божиих и тщете метаний (Всеу мятется человек!), что, по-видимому, открылось ему в разговоре с жадринским священником после венчания Марии Гавриловны. Впрочем, Пушкин ограничивается лишь восклицанием «Какое известие ожидало его!» (Пушкин, 1957, с. 109).

Во всяком случае при всей кажущейся простоте повести «Метель» и одновременно необычности описанных событий в тексте прочитывается поистине гениальная мысль поэта: «Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения» (Пушкин, 1962, с. 323).

Список литературы

Васильев С. А. «Метель» или «Мятедь»? О заглавии повести А. С. Пушкина // Русская речь. 2008. Ноябрь — декабрь. URL: <http://naukarus.com/metel-ili-myatel-o-zaglavii-rovosti-a-s-pushkina> (дата обращения: 20.05.2019).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2003.

Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М., 1959. Т. 2 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/zhukovsky.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Жуковский В. А. Светлана // Русские поэты. Антология : в 4 т. М., 1965. Т. 1. С. 286–294.

Иоанн Златоуст, святитель. О судьбе и провидении. Слово четвертое. О будущем суде. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sudbe/ (дата обращения: 20.05.2019).

Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1993.

Пушкин А. С. Метель // Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1957. Т. 6. С. 102–118.

Пушкин А. С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого // Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 6.

Пушкин А. С. Бесы // Собр. соч. : в 10 т. М., 1982. Т. 2.

Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008.

Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000.

Фомина Л. Анна Керн. Муза А. С. Пушкина. М., 2016.

Об авторе

Наталья Петровна Видмарович, доктор филологических наук, профессор Загребского университета, Хорватия.

E-mail: natalija.vidmarovic@fftg.hr

Для цитирования:

Видмарович Н. П. О судьбе и/или промысле в повести А. С. Пушкина «Метель» // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 35–46. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-3.

ON FATE AND/OR PROVIDENCE IN PUSHKIN'S SHORT STORY 'THE BLIZZARD'

N. P. Vidmarović¹

¹ Zagreb University, Faculty of Philosophy, Zagreb, Croatia

Submitted on August 15, 2019

10.5922/2225-5346-2020-2-3

It has been repeatedly noted that there are similarities between Pushkin's short story 'The blizzard', Zhukovsky's ballad 'Svetlana', from which Pushkin borrowed the epigraph, and Burger's 'Lenora', which was twice used by Zhukovsky in different contexts. Differences in the functioning of the traditional plot are considered against the background of the interrelation and interdependence between fate, chance, and free will. In a Christian reading, the attitudes of the main characters of the three works to God's providence explain the motives behind their actions, the further course of events, and the endings of the works.

Keywords: blizzard, providence, Lenora, Svetlana, groom, despair, Zhukovsky, Burger, fate, church.

References

Vasilyev, S. A., 2008. "Metel" or "Myatel"? On the title of the story of A. S. Pushkin. *Nauchnyi zhurnal Russkaya rech'* [Scientific journal Russian Speech]. Available at: <http://naukarus.com/metel-ili-myatel-o-zaglavii-povesti-a-s-pushkina> [Accessed 20 May 2019] (in Russ.).

Dal, V. I., 2003. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vol.]. Moscow (in Russ.).

Zhukovsky, V. A., 1959. Lenora. In: V. A. Zhukovsky, ed. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works: in 4 vol.]. Vol. 2. Moscow. Available at: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/zhukovsky.html> [Accessed 25 May 2019] (in Russ.).

Zhukovsky, V. A., 1965. Svetlana. In: Anon, ed. *Russkie poety. Antologiya v 4 t.* [Russian poets. Anthology in 4 vol.]. Vol. 1. Moscow. pp. 286–294 (in Russ.).

Zlatoust, Ioann svyatitel', n. d. *O sud'be i providenii. Slovo chetvertoe. O budushchem sude* [About fate and providence. The fourth word. About the future trial]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sudbe/ [Accessed 20 May 2019] (in Russ.).

Kostomarov, N. I., 1993. *Domashnyaya zhizn' i nravy velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Home life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries]. Moscow (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1957. Blizzard. In: B. V. Tomashevsky, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vol.]. Vol. 6. Moscow. pp. 102–118 (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1962. About the second volume of the "History of the Russian people" Polevoy. In: B. V. Tomashevsky, ed. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vol.]. Vol. 6. Moscow (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1982. Demons. In: B. V. Tomashevsky, ed. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vol.]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Sedakova, O. A., 2008. *Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya. Tserkovnoslavjano-russkie paronimy* [Dictionary of difficult words from worship. Church Slavonic-Russian paronyms]. Moscow (in Russ.).

Vinogradov, V. V., ed., 2000. *Slovar' yazyka Pushkina* [Dictionary of Pushkin's language]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Fomina, L., 2016. *Anna Kern. Muza A. S. Pushkina* [Anna Kern Muse A. S. Pushkin]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Natalija P. Vidmarović, University of Zagreb, Croatia.

E-mail: natalija.vidmarovic@fftg.hr

To cite this article:

Vidmarović, N. P. 2020, On fate and/or providence in Pushkin's short story, The blizzard', *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 35–46. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-3.